

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

9

2005 (75)

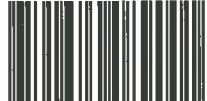

РУССКИЙ МУЗЕУМ:
Константин Коровин

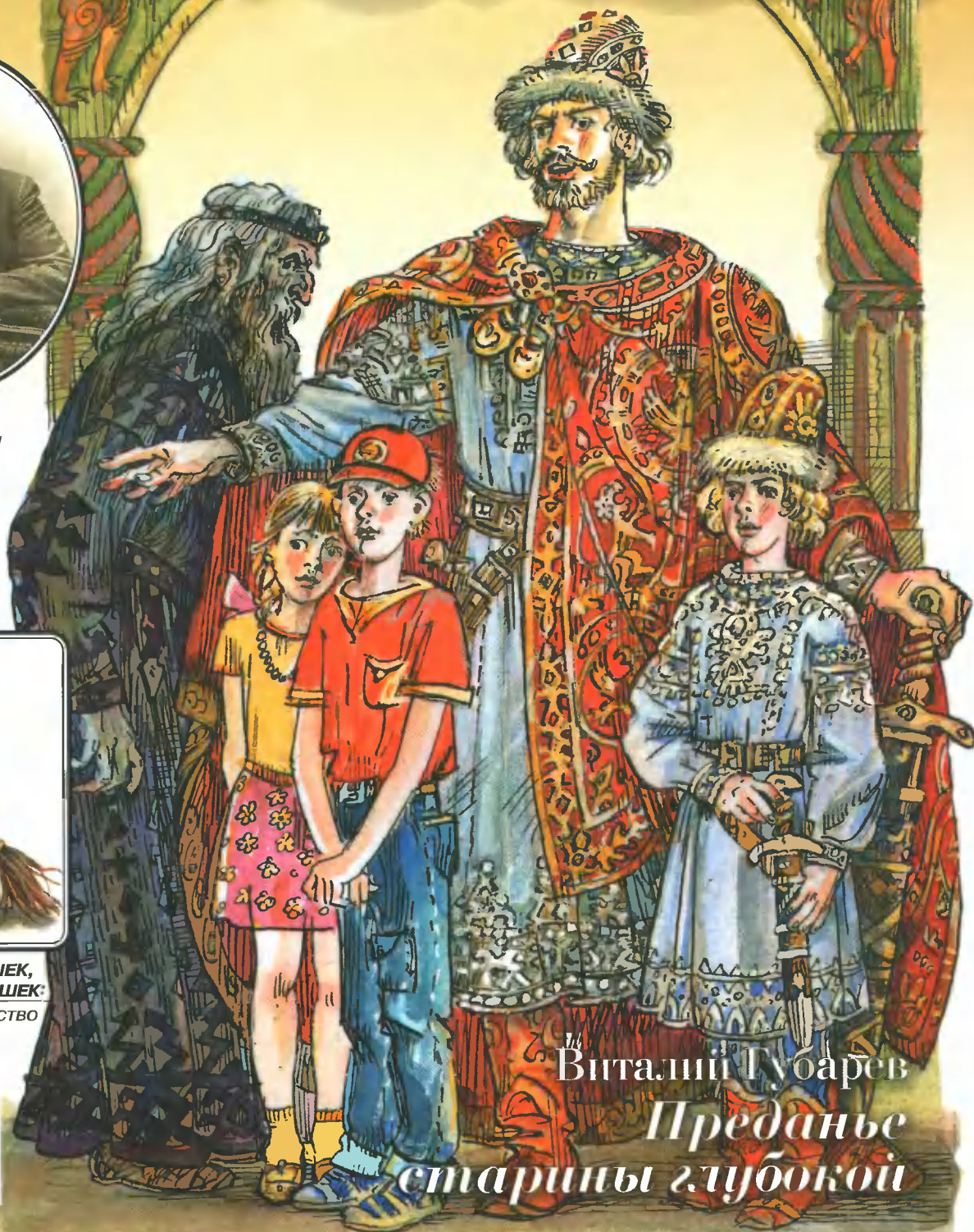

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Заколдованное царство

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Виталий Губарев
Преданье
старинны глубокой

Иван Бунин

(1870–1953)

Разлив

*Паром, скрипя, ушёл. В разлив, по тусклой зыби,
Сквозь муть лиловых туч румянится заря.
На тёмном кряже гор, в их сумрачном изгибе,
Померкнули в лесу кресты монастыря.*

*Оттуда по Оке пахучим дымом тянет...
Но и костёр потух, пылавший за Окой,
И монастырь уснул. Темней уже не станет,
Но всё же ночь давно – ночь, сумрак и покой.*

*Лишь брезжится закат на взгорьях сквозь верхушки,
Блестит, как ртуть, вода по лужам на песке,
Дрожит в разливе рябь, да сонные лягушки
Звонят чуть слышно в тростнике.*

А. Саврасов
Домик в провинции.
1878 г.

В номере:

3

Виталий Губарев

Преданье старины глубокой

14

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Борис Иогансон

«Ах, какой глаз!»

17

РАССКАЗЫ

Дмитрий Емец

Битва титанов

17

ЖИВОЙ УГОЛОК

Николай Марихин

Соперница

19

УМЕЛЫЕ РУКИ

«Каштановые ёжики»

20

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

21

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Алексей Белояр

Заколдованное царство

24

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Главный художник

Юрий Коннов

Заместитель главного редактора

Ирина Платонова

Редактор-составитель

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование и макет

Татьяна Погудина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная верстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Корректор

Людмила Пономаренко

Финансовая группа

Елена Петрова

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юриисконсульт

Виктор Кудинов

Приёмная редакции

Нина Кошелева

Журнал выходит

один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы:

72766 — на полгода

71899 — на год

79796 — на полгода

(для подписчиков

других государств)

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел. (095) 261-84-61

Факс (095) 261-49-29

e-mail: rg@netman.ru;

roman_gazeta@pisem.net

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО ордена Трудового Красного

Знамени «Чеховский

полиграфический комбинат»

(142300, г. Чехов Московской обл.)

Тел. (501) 443-92-17, (272) 6-25-36

e-mail: chpk_marketing@chehov.ru

Тираж 4500 экз

В розницу цена свободная

Заказ № 4404

Журнал для детей среднего

школьного возраста

© «Роман-газета», 2005 г.

Авторов материалов,

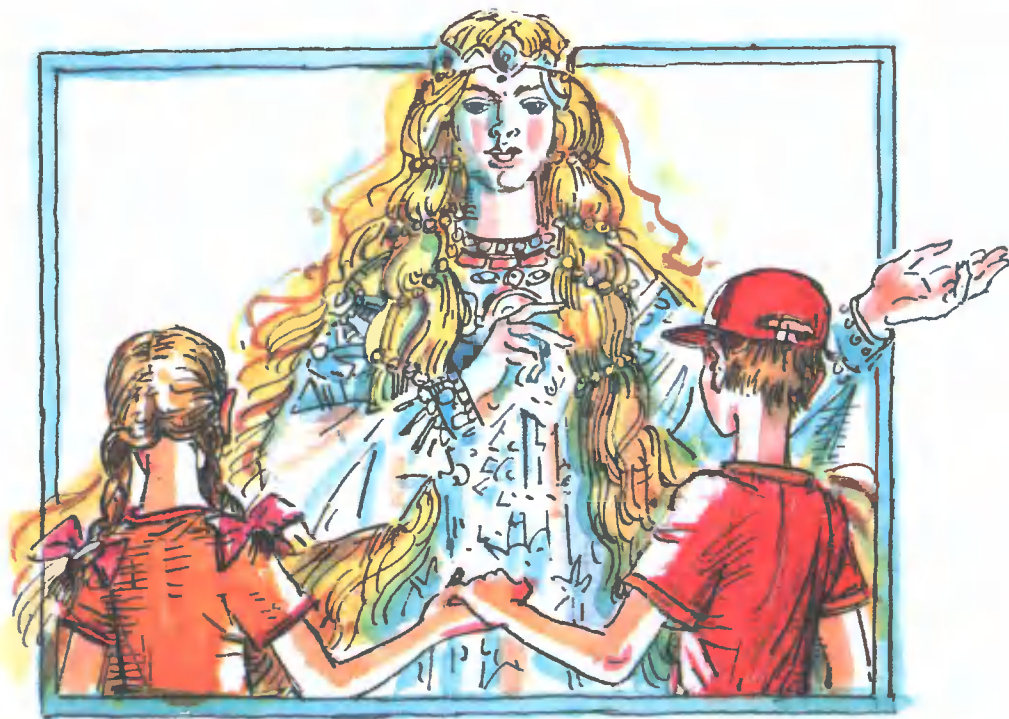
использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Виталий
Губарев

Преданье старинны глубокой

Художник Ю.Иванов

Фея Мечта

Есть такие скучные люди, которые не верят в волшебство. Не верь этим людям, дружок! Я даже знаю имена некоторых волшебников: Любовь, Дружба, Честность. Красивые имена, правда?

А однажды я познакомился с одной доброй феей. Её зовут *Мечта*. К иным мальчикам и девочкам она является среди ясного дня. Другие встречаются с феей Мечтой во сне. Я уверен, что и ты знаком с ней.

Вот такая история произошла совсем недавно в славном городе Новгороде.

В самом центре этого города майским утром на балконе четвёртого этажа сидели брат и сестра, Игорь и Таня. Они были одногодками, оба учились в одном классе, и так как родились близнецами, то и немудрено, что очень походили друг на друга. Оба были светловолосыми и голубоглазыми, у каждого правая бровь чуть-чуть повыше левой. А их одинаково пухлые губы пунцовели, как спелые черешни.

Впрочем, была между ними и разница: Игорь пошире в плечах, и на его переносице отчётливо виднелся кривой шрам — след какой-то давнишней мальчишеской битвы.

В то воскресное утро Игорь и Таня скучали. Они молча смотрели, как под балконом по мокрому, только что политому дворником асфальту то и дело проезжают, шурша шинами, автобусы. Потом их внимание привлекла мороженщица в белом халате, открывающая свой стеклянный ларёк в зелени сквера. Двое мальчишек уже выжидательно остановились перед ларьком, на их лицах было написано нетерпение.

— У тебя нет немножко денег? — спросил сестру Игорь, облизывая губы.

— Нет, — вздохнула она.

Печатается
с сокраще-
ниями

— Вот так всегда, — тихонько проворчал он. — Неужели ни папа, ни мама не могли нам оставить денег на мороженое?

— Им сейчас не до нас, — снова вздохнула Таня, — они, кажется, нашли на своих раскопках что-то очень интересное про древний Новгород и уходят из дома ни свет ни заря.

— Ха! — невесело воскликнул Игорь. — Что-то очень интересное! Обыкновенная берестяная грамота. Вот уж я не хотел бы стать археологом, как они! Даже по выходным дням копаются в земле из-за какого-то кусочка бересты!

— Ну уж тут ты не прав, Игорь, — сказала она, — ведь по этим кусочкам мы узнаём, как жили наши предки много столетий назад! Ты только представь себе: бумага тогда не было, грамотные люди писали письма на кусочках древесной коры! Мама говорит, что эти письма помогают увидеть прошлое. Да ведь ты сам любишь историю, я знаю. У тебя просто плохое настроение, потому что мы не можем купить мороженое.

Игорь помолчал.

— Конечно, увидеть прошлое — это интересно, — задумчиво проговорил он наконец. — Только я хотел бы увидеть его не нацарапанным на деревяшке, а своими глазами. Так, как мы видим эту мороженщицу и вот этот автобус. Вот бы познакомиться с моим тёзкой — князем Игорем, когда он был такой, как я!

И здесь произошло чудо. За их спинами раздался негромкий, но очень мелодичный смех, похожий на звон маленького колокольчика. Они разом обернулись и застыли с приоткрытыми ртами: на пороге балкона стояла очаровательная девушка с распущенными до пояса золотистыми волосами. На ней было лёгкое и длинное — до самых ног — платье, словно сделанное из серебристого шёлка. Но самое удивительное было в том, что незнакомка была прозрачной, как туман, как неясный дымок, который поднялся над костром и на мгновение застыл в тихом воздухе. Необычная девушка насквозь просвечивалась солнцем: сквозь шевелящиеся под ветром складки её платья Игорь и Таня видели комнату, паркет с тенями от оконной шторы и отцовский письменный стол, в центре которого на белом листе лежала берестяная грамота.

— Извините... — приходя в себя, прошептала Таня. — Кто вы?

— Фея Мечта, — прозвенел голос, и её лицо озарилось доброй улыбкой. — Вы действительно хотите посмотреть прошлое *своими глазами*?

— Да, — после небольшой паузы сказал Игорь.

— А ты, девочка?

— Разумеется, хочу! — вырвалось у порозовевшей Тани.

Фея взмахнула рукой, и вокруг всё сразу потемнело.

— Итак, — продолжал звенеть её голос, — пусть будет по-вашему:

Длинь-длинь-длень!

Воротись, прошедший день!

Время, мчись наоборот!

Воротись, прошедший год!

Во-семь-сот во-семь-десят вто-рой!..

Голос умолк, и стало совсем темно.

— Игорь, где ты? — шёпотом спросила Таня и, отыскав в темноте руку брата, крепко сжала её. — Мне страшно... Что всё это значит?

— Не знаю... — тоже шёпотом ответил он. — Фея сказала, что сейчас восемьсот восемьдесят второй год...

— Ужас! — воскликнула сестра. — Из нашей жизни каким-то непонятным образом исчезла целая тысяча лет!

— Даже больше, чем тысяча лет!

— Что мы будем теперь делать?

— Посмотрим...

— Что смотреть, когда кругом ни зги не видно!

— А вон я вижу какой-то свет... Слушай, Таня, это же утренняя зорька! Скоро взойдёт солнце!

Гордей, сын Микұлы

Действительно, за чёрной грядой недалёкого леса розовело небо.

Они огляделись. На холме, над неясной в сумраке рекой, поднимались бревенчатые стены старой крепости со шпилями и башнями. Пониже виднелись усадьбы с высокими и ладно сколоченными тынами — стоямя бревно к бревну, остриём к небу. Кривые улочки тянулись от крепости в разные стороны и под конец разбегались беспорядочно построенными бедными хижинами. Чем дальше от крепости к лесу, тем беднее строение.

Хлюпала в реке вода о деревянный настил, низкие суда с опущенными парусами покачивались на волнах. Было слышно, как там, на пристани, со скрипом тёрлись борт о борт два судёнышка. Ночной сторож стучал колотушкой и время от времени хрипловато крикивал: «Чу-ую! Чу-ую!»

Утренний ветер резво налетел на Игоря и Таню. Он принёс запахи речной сырости и конюшен.

И вдруг косой дождь из небольшой тучки, что нечаянно выползла из-за леса, тонкими бичами захлестал по траве. Таня взвизгнула и, подобрав юбку, стремглав понеслась к ближайшей хижине.

— Скорей, Игорь, скорей! — кричала она на бегу. — Иначе мы вымокнем до нитки!

Они перескочили через низкую полуразвалившуюся деревянную ограду и в четыре руки забарабанили в покосившуюся дверь.

За дверью зашаркали ноги, сонный голос подростка испуганно спросил:

— Кто там еси?

— Да открой же, пожалуйста! — жалобно простонала Таня.

Должно быть, голос девочки успокоил его. Запор защёлкал, дверь распахнулась, и в лучах выглянувшего из-за тучки солнца они увидели вихрастого паренька в длинной домотканой рубаше. Лицо паренька неожиданно скривилось от страха. Он отступил и замахал руками.

— Мара! — диковато бормотал он. — Мара! О, Перун, спаси меня!

— Он принимает нас за привидения! — сказал Игорь. — И, кажется, просит, чтобы его спас главный языческий бог — Перун!

Паренёк упал на колени.

— Отче нету, мати нету, — в отчаянии заламывал он руки. — Не троньте бедного смерда!

Серые расширившиеся глаза паренька совсем побелели от ужаса. Он сжался и умолк, схватившись за голову, словно защищая её от удара. В гриве его спутанных каштановых волос торчали соломинки.

— Отче нету... — вдруг снова забормотал он. — Мати нету... Один я еси и в хиже, и на всём свете под ярилом...

— Один я и в хижине, и на свете под солнцем, — перевёл Игорь, подумав.

У Тани задёргался подбородок.

— А где твои... отче и мати? — сдавленным голосом спросила она и смахнула со щеки тёплую слезу.

— Все от глаза мрём, — быстро заговорил паренёк, уловив, по-видимому, чувство в её словах. — Беда, беда! Рубище на чреслах² носим, на пепле спим... Тиун³ вельми⁴ хитёр: всё дай да дай боярину! Мяса дай, мёда дай, гречихи дай! А что дать? Не токмо мяса, горстки гречихи нету! Беда, беда!

Таня обвела глазами хижину. Пусто в хижине. У стены голый помост, посредине холодный каменный очаг без дымохода. Пахнет в хижине задымлённым дере-

¹ Крестьянин.

² Тело.

³ Сборщик налогов.

⁴ Очень.

вом, золой и давно не мытой одеждой. В маленькое оконце, затянутое бычьим пухом, едва пробивались лучи солнца. Большой паук свил у оконца паутину и притаился под притолочиной, выжидая жертву.

— Как зовут тебя? — спросила Таня, вздыхая.

Паренёк не ответил, должно быть, не понял вопроса.

— Встань, пожалуйста, с колен... Очень прошу...

Паренёк поднялся и, осмелев, открыл рот, чтобы сказать что-то, но в эту минуту за дверью прозвучал резкий мужской голос:

— Гордей!

Паренёк стремительно выскользнул за порог. Из сумрака хижины брат и сестра видели через открытую дверь, как к нему подошли два бородатых мужчины в синих кафтанах с бердышами¹ в руках.

— Гордей, сын Микулы? — спросил один из бородатых.

— Так, — кивнул Гордей и поклонился.

— Отче твой Микула брал у боярина Путяты купу² — одну гривну.

— О, тиун! Отче помер, и мати померла... Нет у меня мяса и мёда, чтобы гривну стоили... нечем купу покрыть...

— Отче твой, — усмехнулся тиун, — ныне на Перуновых лугах мёд пьёт, а купа его на твоей душе висит. До месяца сеченя³ должен ты был купу вернуть, а уж месяц цветень⁴ давно прошёл. По слову князя будешь ты отныне отрабатывать купу боярину Путяте. А надумашь бежать, хоть на полудень⁵, хоть на полночь⁶, всё одно найдут тебя князьи мечники, и будешь ты батогами бит.

— Так, — прошептал Гордей и снова поклонился.

— Ступай на дворище боярина Путяты, Гордей!

Тиун повернулся, чтобы уходить, но тут его взгляд скользнул в открытую дверь хижины.

— Что за отроки еси? — изумлённо воскликнул он, разглядывая необычную одежду Игоря и Тани. — Эка невидаль! Уж не варяги⁷ ли? Коли малые здесь, небось и большие близко... Давай-ка отведём их в детинец⁸-пред ясны очи князя Олега. Князь разберётся, что к чему.

И, охраняемые тиунами с поднятыми бердышами, Игорь и Таня отправились в новгородский кремль девятого века.

Большая палата

Сначала они шли берегом Волхова. Мутная река лениво плескалась о деревянный настил. Великие и малые лодии позванивали цепями, покачиваясь на волнах. Десятка два бородатых, но, как видно, молодых мужчин в холстяных рубахах ниже колен торопливо грузили на палубу большого судна бочки с мёдом и смолой и мешки с пенькой. Рослый купец в голубом кафтане зычно покрикивал на палубе:

— А ещё побыстрее, добры молодцы! Ныне плыть нам далече — аж за Русское море⁹, до самых греков!

Грузчики кряхтели и молча шлёпали босыми ногами по мокрому настилу. А неподалёку от настила, нисколько не боясь людей, сидели на воде два серых кулика. Резко пахло рекой, смолой и свежей пенькой.

Два всадника с мечами у пояса обогнали их и с любопытством оглянулись на пленников. Но всадники, судя по всему, торопились, они взмахнули плетью, кони перешли на галоп и быстро скрылись за широко распахнутыми тяжёлыми воротами кремля.

У ворот скучающий стражник принял у тиунов пленников и повёл их в княжеский терем с бесчисленными клетями и подклетями. Видно, много потрудились умельцы новгородские, когда воздвигали над Волховом этот громадный дом из брёвен.

По скрипучим ступеням Игорь и Таня поднялись в Большую палату княжеского терема.

¹ Старинное орудие — топор с лезвием в виде полумесяца.

² Заём.

³ Февраль.

⁴ Апрель.

⁵ Юг.

⁶ Север.

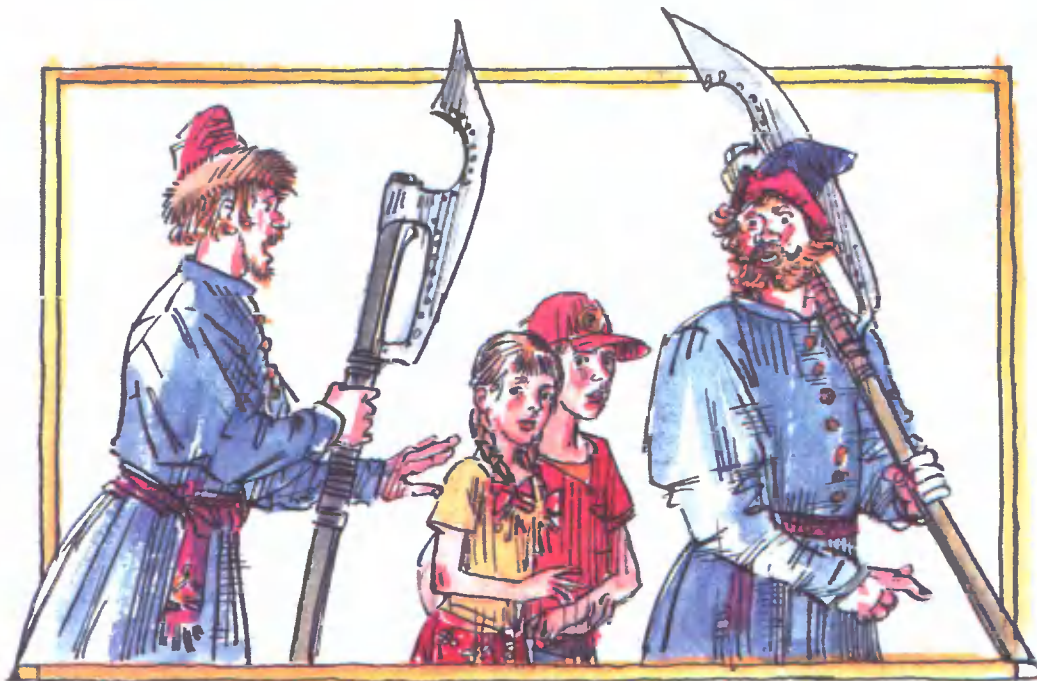
⁷ Выходцы со Скандинавского полуострова.

⁸ Кремль.

⁹ Чёрное море.

В Большой палате после яркого утреннего солнца было сумеречно. Неясно светились ряды узких окон, затянутых тончайшей желтоватой кожей. На каждом окне — железная решётка. Просторно и пусто в палате. Вдоль бревенчатых стен тянутся деревянные лавки, отшлифованные задами воевод, бояр да богатых купцов, кои собирались здесь по слову князя вершить дела древнего Новгорода.

Велика Большая палата княжеского терема — шагов шестьдесят в длину, шагов тридцать в ширину. Игорь и Таня стояли у двери палаты и тревожно озирались. Направо, у стены, в рост человека возвышался деревянный идол — Перун, с тяжёлым подбородком и золочёными, страшно поблёскивающими глазами. Налево, в дру-

гом конце палаты, виднелись резные двери в княжеские покои. Прямо против этой двери на небольшом помосте стояло дубовое кресло с высокой остроконечной опорой и закрученными к полу подлокотниками. От многочисленных окон на деревянный пол падали неясные столпы солнечного света. Пол был тщательно вымыт, на стёртых досках повсюду отпечатались царапины и вмятины от кованых сапог.

Резные двери вдруг неслышно распахнулись, и в палату быстрыми шагами вошли статный русобородый мужчина и сероглазый мальчик лет двенадцати-тринадцати. Игорь и Таня сразу заметили, что оба они одеты совершенно одинаково: на том и на другом — затканное серебром белое платно с длинными рукавами, широкий золотой пояс и красные сафьяновые сапоги. У того и у другого пышно вились русые волосы.

— Бью челом, княже! — сказал стражник, стаскивая с головы шапку. — На твой суд, для твоего слова, привёл двух отроков. Поймали их ныне в посаде Великого Новгорода тиуны боярина Путяты. Не варяги ли?

Князь Олег неторопливо сел в кресло и положил руки на подлокотники. Русоволосый мальчик стал рядом с ним и прижался плечом к креслу. Его большие серые глаза заблестели от любопытства.

— Подойдите, — негромко сказал князь красивым грудным голосом.

Игорь и Таня подошли к креслу.

— Кто вы еси, отроки? — услышали они уже знакомую фразу.

— Брат и сестра, — сказал Игорь, передохнув.

Олег усмехнулся.

— Вельми похожи! Двоядцы?

— Да, двояшки...

— А какого же вы роду-племени? Варяги?

— Нет, нет, — закачал головой Игорь, — мы русские!

— Русичи?

— Да, да, русичи! — Игорь растерянно посмотрел на сестру, и она прочла в его глазах то же, о чём подумала в эту минуту сама: если сказать, что они явились в Великий Новгород девятого века из будущего, из двадцатого века, князь Олег всё равно не поверит и посчитает их сумасшедшими.

— Кто же вы еси: кривичи, уличи? А может, вы из полоцкой земли или ростовской? — задумчиво спрашивал Олег, поглаживая пальцами русую бороду. — А ещё может статься, что родились вы во славном граде Киеве или во граде Смоленске?

— Да! — обрадовался Игорь. — Так и есть! Мы действительно родились в Смоленске, а потом переехали в Новгород!

— Речь твоя вельми странная, отрок, — пожал плечами Олег, — и платно на вас чудесное, и ноговицы носишь ты не наши. — И он ткнул пальцем с блеснувшим перстнем в аккуратно выглаженные брюки Игоря.

— Ноговицы как ноговицы, — пробормотал Игорь, краснея.

Волхв Фарлаф

В эту минуту резная дверь вновь неслышно открылась, и в Большую палату вошёл старец в длинном, до самых каблуков, тёмном платне. На его руках переливчато зазвенели золотые браслеты. В левой руке старец держал бубен.

— Зачем ты пришёл, волхв Фарлаф? — неожиданно пошевелился у кресла и сердито спросил сероглазый мальчик. — Кто звал тебя?

Старец с достоинством проговорил сипловатым однотонным голосом:

— Ты опять, княжич, злые слова речешь главному волхву Великого Новгорода!

— Не я злой, а ты злой, волхв Фарлаф! Великий Новгород знает сие и потому боится тебя, аки дурного пса!

Князь Олег остановил мальчика повелительным движением руки:

— Не молви такого, племянник!

В голосе мальчика вдруг зазвучали неожиданно набежавшие слёзы:

— Ах, дядя! Кабы не он, не легла бы моя мама в могилу! Разве не ты, дядя, выписал ей лекарей заморских, когда заболела она студеницей²?

Игорь и Таня видели, как старый волхв дёргался от гневных слов мальчика. Его бесцветные, водянистые глаза в зарослях седых волос совсем побелели от ярости. Однако он сдержал себя и сказал спокойно:

— Твою маму, княжич, призвали боги на Перуновы луга...

— Лжа! — воскликнул княжич. — Ты один виновен, что её обрядили покойницей и положили в корсту³!

— Слушай, племянник! — строго проговорил князь Олег. — Твой отец и мой учитель был храбрым воином и много лет княжил в Великом Новгороде. Почитали его новгородцы за ум и отвагу на рати. Был он исконным русичем, верно соблюдал законы и обычаи наши... Хазарская стрела оборвала его жизнь... Умирая на моих руках, просил он, чтобы я воспитал тебя славным русичем...

— Я русич! — горячо прошептал мальчик.

— О том же просила меня перед кончиной своей твоя мать, моя ненаглядная сестра.

— Я готов за Русь положить живот свой, дядя! — продолжал шептать мальчик. — Я русич!

— Знаю, — сказал Олег, — а потому и прошу тебя не ссориться с волхвами, коих почитают все русичи и в полуденной стороне, и в полуночной.

— Но мама!.. — вырвалось у мальчика.

Олег сурово взглянул на волхва.

— Сердцем я и сам не могу простить Фарлафу её смерти, но перед народом волхвы и князья должны быть едины... — Он помедлил и вздохнул: — Зачем ты пришёл в Большую палату, Фарлаф?

— Я за дверью слышал, княже, о чём говорил тебе сей отрок в чудесных ноговицах...

¹ Уличи — племена, населявшие Древнюю Русь.

² Болезнь.

³ Гроб.

— Ну?

— И понял, что надо их обоих допросить с испытанием! — злобно сказал волхв, сверля глазами Игоря и Таню.

— Да ведь они же дети! — воскликнул Олег. — Вельми ты кровожаден, Фарлаф! Они против тебя — что воробей против коршуна!

— Княже! — волхв предостерегающе поднял палец, звеня золотыми браслетами. — А если они духи Чернобога? Нет бога злее Чернобога! Тогда сиих отроков вязать надо и во славу Перуна рубить им головы на Перуновой горе! Отдай мне отроков, княже!

— Нет! — сорвался с места маленький князь. — Я имею к ним приязнь! Отдай их мне, дядя!

Олег испытующе посмотрел на побелевших пленников, и ласковая улыбка тронула его губы.

— А как твоё прозвище, отрок? — спросил он вдруг.

— Игорь...

— Как?

— Игорь, — с трудом ворочая языком от страха, повторил пленник.

Олег, маленький князь и волхв на минуту онемели. Наконец Олег с усмешкой взглянул на племянника:

— Имя наше, русское... Твой тёзка, юный княже!

— Лжа! — пробормотал волхв.

— Сам ты лжа! — вырвалось у маленького князя. — Как сие лепо!: он — Игорь, и я — Игорь! Отдай же мне их, дядя!

— Пусть по-твоему будет, князь Игорь, — сказал Олег, — бери их. А паче случится что, сии отроки, Фарлаф, от тебя не уйдут: ворота в детинце крепкие и стража надёжная! Слушай, стражник, — внезапно повысил он голос, — вели глашатаям собрать на княжеский совет воевод, бояр да купцов именитых!

Стражник, который безучастно слушал весь разговор и, по-видимому, ничего не понял, захлопнул глуповато отвисшую челюсть и, нахлобучив шапку, исчез за входной дверью.

Олег повернул лицо к наострившему слух волхву:

— Прибыли ко мне гонцы с грамотой из Искоростеня, из земли древлянской. Будем совет держать о вельми важном деле, Фарлаф. Нужна мне поддержка Пе-

руна. — Он помедлил и прибавил: — А коль не будет поддержки — пеняй на себя: найдётся другой главный волхв на земле новгородской!

А юный князь Игорь меж тем подошёл к пленникам и улыбнулся:

— Пошли в трапезную! Накормлю я вас... Небось голодны?

Вече́вой колокол

10

Едва два Игоря и Таня переступили порог Большой палаты, как были оглушены чьими-то воплями и непонятым треском. Прежде всего они увидели десятки потных бородатых лиц. Бояре, воеводы, купцы — старые и молодые, худые и толстые, высокие и низкие, щуплые и широкоплечие, — в разноцветных кафтанах и разноцветных сафьяновых сапогах, сидели на лавках и прямо на полу, на корточках. Многие опирались на посохи с серебряными набалдашниками. Почти у всех на груди сверкали золотые обручи и цепи — знаки высокого отличия и богатства.

Душно и жарко в Большой палате. Входная дверь и узкие окна открыты настежь, но это не помогало. От духоты кружились головы.

Князь Олег сидел в кресле, бледный и усталый, расстегнув ворот своего платна. Два мечника неподвижно стояли по бокам. А перед креслом, дико завывая, дробно ударяя кулаком в бубен, бесновался главный волхв Фарлаф. Время от времени он бросался по узкому людскому проходу к деревянному изваянию Перуна, сипло бормоча какие-то слова. Затем он опять возвращался к креслу князя, вскинув руки, беспрестанно подпрыгивая и сотрясая пол коваными сапогами.

Наконец Фарлаф замолчал и сел на пол перед Олегом.

Сразу наступила тишина, в которой слышалось лишь дыхание десятков людей. — Что тебе сказал Перун, волхв? — спросил Олег, словно приходя в себя.

Фарлаф не торопился отвечать. Он сидел на полу, скрестив ноги, и тяжело дышал. Казалось, он ничего не видит и не слышит, но Таня уловила его злобный взгляд, который он метнул на неё из-под нависших на глаза мохнатых бровей. Девочка невольно сжалась под его взглядом. Князь Игорь заметил это, что-то сердито прошептал и загородил Таню своими плечами от глаз Фарлафа.

— Что же сказал тебе Перун? — нетерпеливо повторил Олег.

Все в палате вытянули головы, чтобы лучше услышать волхва. Но он вдруг закашлял и потыкал пальцем в горло, давая понять, что ему трудно говорить. Продолжая кашлять, Фарлаф поднялся, подошёл к Олегу и склонился к самому его уху. Два Игоря и Таня, стоящие у княжеского кресла, слышали, как волхв прошептал:

— Не ходи на Киев, княже...

Олег даже не пошевелился, так он умел владеть своими чувствами. Только губы его едва заметно шевельнулись:

— Лжа!

В палате было тихо. Все ждали княжеского слова, но Олег медлил. И тогда на помощь ему неожиданно пришёл низенький толстенький боярин, тот, который сидел на лавке ближе всех к Олегу. Может быть, боярин слышал, а может быть, и не слышал того, что шепнул волхв, но он вскочил с места и, размахивая маленькой полной ручкой, закричал, выкатывая глаза:

— Перун поразит громом и молнией врагов твоих, княже!

— Поступай, как решил совет: иди на Киев! Собирай вече и скажи народу новгородскому своё злато слово!

Олег бросил на толстенького боярина благодарный взгляд. Он облегчённо вздохнул и поднялся, отстранив ручкой растерявшегося Фарлафа.

— Пусть звенит вечевой колокол! — заговорил князь Олег. — А вы, братие, идите к людям, научите их, о чём кричать на вече... А паче найдётся головник такой, что станет кричать насупротив княжеского слова, пусть челядь ваша заткнёт ему поганую глотку! Велите выкатить из

погребов бочки с мёдом и олом¹, чтобы все люди — и мужи именитые, и рядовичи — пировали во славу Перуна и князя новгородского!

Гулко стучали о пол Большой палаты кованые сапоги. Толпились у входной двери воеводы, бояре и купцы именитые, натруженно скрипели за дверью ступени лестницы: все торопились выйти поскорее из терема, чтобы выполнить волю князя.

А за княжеским теремом запел-загремел вечерой колокол. Летели, будто ласточки, медные удары над Великим Новгородом. Летели один за другим тревожные мелодичные звуки и, не успев расправить крылья, угасали в воздухе. Но их догоняли новые и новые удары и, прежде чем смолкнуть, вонзались в сердце каждому жителю земли новгородской. Летел звон вечерого колокола над градом и предградьем, над лесами и полями, над серыми волнами Волхова, над туманным заречьем.

11

И, услышав этот сладкий, терзающий душу звон, отрывались от работы и со страхом прислушивались ремесленники на всех концах града, и смерды в селениях, и охотники на ловах, и рыболовы на малых и больших речках и озерцах.

Красиво звенит вечерой колокол. Ещё десять лет назад много кун заплатил за него князь Олег римскому папе. Везли этот колокол вокруг Европы на лойве варяжские викинги, а потом в Свионии² перегрузили его на русскую лодию и по Варяжскому морю, через озеро Неву, доставили по реке Волхов в Великий Новгород. Очень красиво звенит колокол...

Золотое слово князя Олега

Полным-полно народа на княжеском дворе. От сотен голосов стоит в кремле невнятный гул — будто море шумит. Куда ни глянь, сомкнулись плечи, а над плечами шевелятся седые и русые, рыжие и чёрные бороды. Собрались на вече старые и молодые мужи Великого Новгорода, с нетерпением ждут, что скажет им князь Олег.

У высокого княжеского крыльца отдельной группой горделиво стоят, опираясь на серебряные посохи, воеводы и бояре в праздничных платнах. Это ишханы — знать новгородская, далее купцы толпятся в разноцветном кафтанье, с завистью поглядывают на важно надутых воевод и бояр. А ещё дальше — простой люд: здатели³, кузнецы, кожемяки, скудельники⁴, умельцы всякие со всех концов улиц. Это они, их отцы и деды строили Великий Новгород, и всё, что есть в Новгороде, сделано их руками, да почему-то несладко живётся умельцам русским. И про них, и про смердов, кои серым потоком залили дворец до самой крепостной стены, не больно печётся Перун. Должно быть, князя, воеводы да бояре с купцами больше нравятся богу богов.

¹ Пиво.

² Греция.

³ Строители.

⁴ Гончары.

А у ворот кремля и на его крепостной стене устроилась голытьба в рубищах: всякие пришлые убогие люди, рабочие, холопы.

Следом за Олегом на высокое крыльцо вывел юный князь своих гостей — Танию и Игоря. Они видели, с каким удивлением уставились на них сотни глаз, а сотни ртов зашептали: «Гляди-ко! Во диво!»

Глашатаи зычно закричали, прикладывая к губам ладони коробочкой:

— Ти-и-хо! Замри! Слушай, народ новгородский! Злато слово князя Олега!

И сразу такая тишина наступила, что стало ясно слышно, как далеко в заречье каркал ворон. Вот уж, окаянный, не ко времени закаркал, словно беду накликает!

Олег, высокий, статный, в платне небесного цвета, расшитом бурмицким жемчугом, стоял на виду у всего вече. Ветер шевелил его волнистые русые волосы. Он провёл рукой по волосам, потрогал пальцами бородку. Спокоен был князь Олег, лишь на белом лице, под левым глазом, предательски дрожала голубая жилка.

Позади князя стал вечник с тонкими железцами и берестяными свитками в руках. Искусно и быстро нацарапает вечник на бересте своими железцами всё, что скажет князь народу, а потом запечатает в особый ларь.

Низко-низко поклонился Олег собравшимся.

— Братие! Вы, вольный народ новгородский, призвали меня княжить на сей стол, — громко и отчётливо заговорил Олег. — Вы поручили заботам моим сироту — младого князя Игоря. Вырастил я младого князя на виду у вас в нашей вере, в законах и обычаях наших добрым русичем. Однако княжил я, помышляя не только о благе Игоря, но и о вашем благе, о благе народа новгородского, народа русского. Не раз водил я вас на рать супротив врагов новгородских и бился с ними, как простой воин, плечо к плечу с вами. Из моих и ваших ран, братие, лилась и смешивалась кровь, и стали мы одной крови, как родные!

— Так еси, — прошелестело вече, захваченное красноречием князя.

— Одной мы крови, — повторил он, — и я, ваш князь, спрашиваю вас: верите ли вы мне, братие?

— Верим! — выдохнуло вече.

— Велика земля новгородская, но ещё больше все земли русские! И земля ростовская, и рязанская, и смоленская, и полоцкая, и киевская — суть земли русские! От самого Русского моря до моря Варяжского и далее до Ледового окияна, где живут народы чудь, меря и весь, кои бились плечо к плечу с нами супротив варягов, называется земля одним словом — Русь! Но скорбно мне, братие, что порядка ещё мало на Руси! — понизил голос Олег. — Поэтому больно сердцу моему! Бывает так, что не гречихой засевают русичи поле, а белыми костями, не водой поливают землю, а кровью своей! Сходятся на рати русич с русичем, племя с племенем, а оттого слабеет Русь на радость врагам иноземным. Не едины мы, братие, а врагам легче одолеть каждое племя порознь.

Вече молчало, словно заворожённое словами князя.

— И особо скорбно мне, — с горечью продолжал Олег, — что наименьше всего порядка на полуденной украине¹ Руси, на земле киевской, коей правят два брата — Аскольд и Дир!

— Осрама! — тонким голосом крикнул маленький боярин Путята, потрясая серебряным посохом.

— Осрама! — разноголосо закричало, зашумело, задвигалось вече.

Олег поднял руку, успокаивая людское море.

— Ныне прибыли ко мне гонцы из земли древлянской, из града Искоростеня. Замучили князя Аскольд и Дир войнами соседей своих — древлян. Но того мало: разоряют грады и веси древлянские хазары окаянные! А князя Аскольд и Дир не токмо не защищают братьев наших — русичей-древлян, а более того — завели дружбу с иноверцами дикими, с хазарами окаянными. Просят древляне с поклоном защиты у Великого Новгорода!

И снова зашумело, задвигалось, заплескалось взволнованными голосами людское море:

— Поможем братьям русичам!

¹ Украине.

- Веди нас, княже, на Киев!
- Осрама Аскольду и Диру!
- А они-то небось и не русичи совсем!
- Изгнать их с земли русской!
- Смерть Аскольду и Диру, псам варяжским!

От толпы купцов отделился рослый молодец в голубом кафтане.

- Игорь, — сказала брату Таня, — смотри, ведь это тот самый купец, которого мы сегодня утром видели на пристани. Помнишь, на грузчиков покрывал? Рослый молодец снял шапку и поклонился Олегу, опуская на землю правую руку.
- Дозволь, княже, слово вымолвить, — бойко крикнул он.

— Говори, купец, — улыбнулся Олег. Он был доволен, так как понимал, что первое сражение за Киев выиграно сейчас благодаря его ораторскому искусству.

— Братие! — крикнул купец, оборачиваясь лицом к вече и вновь кланяясь. — Мы, купеческое племя, верой и правдой служим Великому Новгороду. Ныне собрал я караван лодий с товарами новгородскими. А плыть нам далече, до самых греков. Как подумаю, что придётся плыть мимо славного русского града Киева, сердце сжимается. Стоит славный русский град Киев на горе, над самым Днепром Славутичем. А засели на той горе не русские князья, а злыдни, змеи подколодные! Туда плывёшь — плати куны, обратно плывёшь — опять плати! А то и вовсе отымут товары дружинники Аскольда и Дира, а людей наших перебьют! Хуже хазар, кои тоже с нас выкуп берут, когда мы лодии наши через пороги днепровские перетаскиваем в степях полуденных! Доколе же будет такое, братие? Иди, княже, на Киев, перебей змей подколодных! Освободи землю нашу от хазаринов!

— На Киев! — загремело вече.

Олег поднял руку.

— Спасибо, братие, за доверие. Повелел мне Перун идти на Киев, объединить полуночные и полуденные украины воедино! Построим мы на границах наших города и острожки, и не будет нам страшен никакой враг! Будет у нас одна Великая Русь — от Русского моря до Ледового окяна!

— Слава князю русскому Олегу! — закричал восторженно боярин Путята, наливаясь краской и закатывая глаза. — Слава Руси Великой!

— Сла-ава-а!.. — дружно откликнулось вече.

Сотни шапок полетели в воздух.

Вечник торопливо черкал железцами по берестяному свитку.

(Окончание см. в следующем номере)

«Ах, какой глаз!»

Борис Иогансон

В 1875 г. поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где занимался у И.М.Прянишникова, В.Г.Перова, А.К.Саврасова, В.Д.Поленова. В 1883 г. написал портрет хористки, имевший большое значение для развития художественного языка. Во время поездки в Валенсию художник написал картину «У балкона. Испанки Леонора и Ампара» (1888—1889), отличающуюся гармонией чёрного и серого. Картина принесла ему известность — в 1900 г. Коровин получил за неё золотую медаль на Всемирной выставке в Париже.

В своём живописном методе Коровин основное значение придаёт поиску цветовых отношений, при этом гораздо меньше внимания уделяет композиции. Эту «Зимой» (1894) стал программным для целого направления в русском

Константин Алексеевич Коровин
(1861—1939)

пейзаже. Художник написал большое количество этюдов, которые возникли в результате многочисленных поездок по России и Европе. Характерными для творчества Коровина становятся также натюрморты с цветами.

В театральных работах особенно заметен метод художника, где он создал новый тип красочных, зрелищных декораций, эмоционально связанных с идеей и настроением спектакля.

Среди его учеников были А.М.Герасимов, С.В.Герасимов, Б.В.Иогансон, П.В.Кузнецов, И.И. Машков, К.Ф.Юон.

В 1923 г. Коровин уехал за границу, продолжал работать в театре, занимался литературной деятельностью.

(Энциклопедия «Русская живопись XIV—XX веков»)

Северная идиллия. 1886 г.

...Я учился в классе Константина Коровина в Училище живописи два года и имел возможность узнать его ближе в непосредственном с

ним соприкосновении. Это был человек необыкновенной одарённости во всех областях искусства, мастер живописи, к тому же наделён-

Бумажные фонари. 1898 г.

Париж. Бульвар капуцинок. 1911 г.

ный исключительным живописным глазом, вельсчак, эпикуреец. Он был великолепным рассказчиком, пел, играл на гитаре, соединял талантливую русскую натуру с поразительной беспечностью. Эти качества импонировали художественному обществу того времени. Он влиял, в смысле живописной направленности, даже на таких художников, как Серов и Левитан. Они любили в нём талант живописца и обращались именно к этой стороне его дарования.

Коровин очень обижался, когда ему говорили, что он мажет, потому что не умеет писать по-настоящему. Он обижался, когда его обвиняли в том, что он не умеет рисовать. Однажды он показал нам свои школьные рисунки. Мы изумились подробной штудировке природы и точности академического рисунка со всеми подробностями, до ноготка. Он возмущался, когда студенты старались подражать ему внешне.

Как в жизни, так и в живописи всё связано друг с другом, зависит друг от друга. В живописи также происходит борьба двух начал в единстве целого. Для того чтобы в совершенстве изобразить видимое, надо так поставить свой глаз, чтобы он постепенно был приучен видеть всё сразу, одновременно. Вполне естественно, что начинающий писать, неопытный художник старается перенести на холст то, что он видит: какое место пишет, туда он и смотрит. Кажется, всё писал добросовестно, а получилось плоско, однообразно, неинтересно. Смотришь живопись мастеров — там всё жи-

вёт, дышит жизнью природы, а кажется, выполнено легко, как бы шутя. Как бы не так — шутя! Эта лёгкость стоит огромного напряжения; «спрятать пот», как говорил Серов.

Один раз показывает мне К.Коровин этюд севастопольской бухты. Надвигаются сумерки, только что зажглись фонари, появились лёгкие вечерние тени. «Сколько времени писал, как думаешь?» — спрашивает он. «Сеанс три-четыре», — говорю я. «Как бы не так, — две недели, всё было готово через пять сеансов, а вот не мог никак тень от фонаря взять, а без неё не живёт, не смотрится этюд — жизни нет. Живопись удивительно точное дело. Всё держится на чуть-чуть, не попадаешь в чуть-чуть — и её нет. А почему не попадал правильно, потому что до того старался взять верно, что забыл про вечную истину: не тень нужно брать, а соотношение всех тонов вместе с тенью... Опытный художник всё видит одновременно, так же как хороший дирижёр слышит одновременно и скрипку, и флейту, и фагот, и прочие инструменты. Это, так сказать, вершины мастерства, подходить к этому надо постепенно. Самое трудное в живописи — писать сближенные тона, очень мало разнящиеся друг от друга».

Горячий поклонник метода живописи, построенного на воспитании и развитии глаза, Коровин часто восклицал про великих колористов: «Ах, какой глаз!» Его любимым художником был Веласкес. И это понятно,

ибо трудно найти в мировой реалистической живописи такого артиста живописать непосредственно с натуры, художника с таким удивительным глазом, такого снайпера художественной точности. Так попадать без промаха в цель мог живописец невероятной способности к широкому зрению...

Ни тени фальши не должен допускать его (художника. — Ред.) глаз, эта фальшь долж-

выложил свежие краски... И приготовился к бою. В процессе письма Коровин всё время объяснял: «Я люблю начинать с самых густых, тёмных мест. Это не позволяет влезть в белёсость. Колорит будет насыщенный, густой».

И он составил на палитре тон чёрного бархата, чернее чёрного: туда входила берлинская лазурь в чистом виде, краплак тёмный и прозрачная краска типа индийской жёлтой —

Эскиз декорации к балету Ц.Пуни «Конёк-горбунок». 1912 г.

Портрет хористки. 1883 г.

на так же резать глаз, как фальшивая нота — слух музыканта. Художник обязательно будет мучиться, будет искать выражение точности своего ощущения от природы на холсте...

Однажды он (Коровин. — Ред.) подходит к ученице, этюд которой был написан сплошной грязью. «Неужели вы так видите?» — спрашивает Коровин. «Нет, конечно. Но я не умею, у меня ничего не выходит. Ах, если бы вы показали, Константин Алексеевич, как это делается!» И он согласился дать нам наглядный урок живописи.

«Прежде всего очистите от грязи палитру, и кисти вымойте в нефти. Сам же я займусь вот чем». И Коровин начал ножом снимать с холста всю грязь, мало того — чистой тряпкой он стёр её елико возможно. На чистую палитру

жёлтый лак. На грязновато-буром холсте (вычистить его добела не удалось) был наложен исчерна-чёрный мазок, который смотрелся посторонним телом на холсте. Далее на палитре же он составил теневые части различных материй, находя все тона вокруг чёрного бархата, цвет которого лежал на палитре как камертон. «Видите, на палитре я приготовил эту кухню как начало для предстоящих сложных поисков дальнейших отношений». Всё найденное на палитре было положено на холст, но на палитре остался след от найденного, и к нему подбиралось дальнейшее. Такой способ поисков на палитре оказался для нас новостью. Мы, как истые поклонники непосредственной мази и возни на холсте, были удивлены таким строгим контролем над собой — и кого! — «самого» Коровина, который, как нам казалось, с лёту возьмёт красиво любой тон. На самом же деле под этой лёгкостью лежали кропотливые поиски точного. И чтобы найти эту предельную точность, мастер цеплялся за всё.

Когда Коровин закончил писать, он спросил ученицу: «Ну как, нравится?» — «Очень!» И она уже считала себя счастливой обладательницей этюда Коровина. Но он неожиданно для всех взял мастихин и очистил всё написанное им. «А вот теперь пишите сами», — закончил он свой наглядный урок.

Зимой. 1894 г.

Битва ТИТАНОВ

Дмитрий Емец

Художник В.Зайцев

Почти каждый месяц по 7-му «А» — да что там по 7-му «А», по всей школе! — прокатывались волны увлечений. Эти волны захлёстывали повально всех, и не было никого, кто остался бы в стороне. Вначале увлекались роликовыми коньками, затем постепенно перешли на резиновые маски монстров, с них — на водяные пистолеты и брызгалки, а потом внезапно вся мужская половина седьмых классов увлеклась армрестлингом, то есть борьбой на руках. Правила этой борьбы просты: нужно поставить локоть на стол, взять ладонь соперника и, не отрывая локтя, прижать её к столу. Естественно, соперник тебе в этом нисколько не помогает, а напротив, старается прижать к столу твою ладонь.

Начало новому увлечению положил физкультурник Андрей Тихоньч. Он был бывший штангист, пузатый, широкоплечий, на животе у него на жёлтом шнурке всегда висел свисток. К своим ученикам он относился полупокровительственно-полупрезрительно.

— Эх вы, дистрофики, вам только за удочками прятаться! Посмотрите на себя: спины сутулые, животы вперёд, вместо мышц какие-то фигли-мигли! — сказал он как-то после футбола, обозрев выстроившуюся перед ним шеренгу семиклассников.

— Я что, тоже дистрофик? — обиженно спросил толстяк Петька Мокренко.

Андрей Тихоньч окинул его оценивающим взглядом.

— Ты не дистрофик, но мышцы тебе не мешает нарастить!

— Мне и так силы хватает! — Петька похлопал себя по бицепсу. Хоть толстяк и не мог подтянуться ни разу, его кулаков боялись все одноклассники.

Николай Марихин

Художник И.Таубе

Соперница

Этот гриб я увидел издали: большой, весь на виду, шляпа — как сомбреро мексиканца. Я пошёл к нему, да на пути повстречались боровики. Пока их собирал — глядь! — того красавца уже нет. В чём дело? Ведь будто никого поблизости не было... Эй, кто здесь?.. Никого. Никто не отвечает.

Иду мимо сосны.

— Цок-цок-цок, — послышалось с дерева. Даже испугался от неожиданности.

Белка сидела на суку сосны и держала в передних лапках ту самую шляпку гриба, которую я видел издали. Так вот кто, оказывается, опередил меня. Ай да молодчина! Я взял из корзины самый большой белый гриб и повесил его на нижний сучок сосны.

Белка процокала, и я понял её так: «Спасибо, спасибо, человек!»

Я постоял ещё минуты две, любуясь маленькой соперницей, и пошёл дальше по лесу, временами останавливаясь, чтобы прислушаться, не процокает ли вновь где-нибудь белочка.

О 8 ДШИЖКИ

Дубровский лежал на диване и смотрел телевизор.

Кадры решали, но не все проблемы.

Лермонтов родился в деревне у бабушки, когда его родители были в Петербурге.

У Вовы синяк под глазом, который ему очень к лицу.

Я взял кошку Ваську, когда был ещё котёнком.

Я быстро стоял на одном месте.

Дождик капал прямо ветру в бок.

У Скалозуба была отличная память, он хорошо помнил всех женщин, с которыми не служил.

Через подобревший голос, через непривычное лицо шестилетний Саша нюхал, мял землю.

Позади шёл пожилой человек лет восемнадцати.

— Сейчас проверим, какой ты сильный. А ну, иди сюда! Андрей Тихоныч подошёл к своему столу и поставил на него локоть. Петька тоже поставил свой локоть, и они стали бороться на руках. Разумеется, сколько Мокренко ни пытался и ни наваливался, победа осталась за учителем. Но Петька всё равно был горд, потому что Андрей Тихоныч одобрительно похлопал его по плечу и сказал: «А ты ничего, не дохляк!»

И вот на одной из перемен Петька подошёл к Кольке Егорову, который в этот момент стоял рядом с Катей Сундуковой и набирался храбрости пригласить её погулять после школы, и толкнул его в плечо.

— Чего тебе? — спросил Коля.

— Давай на руках бороться!

— Не сейчас, в другой раз! — отмахнулся Егоров.

— Ага! Струсил, дистрофик! — восторжествовал Мокренко. Слово «дистрофик» Петька услышал впервые только сегодня и рад был возможности его обновить.

В другое время Коля, возможно, и пропустил бы это мимо ушей, но теперь, когда рядом была Катя Сундукова, все пути к отступлению были отрезаны. Он сел на стул и упёрся локтем в парту.

— Ну давай, толстяк, покажи, что ты умеешь! — сказал он Петьке.

Мокренко уселся на ту же парту с другой стороны и сгрёб ладонь Егорова своей огромной ручищей.

Мокренко засопел и навалился. Коля напряг все силы, но их хватило лишь на несколько секунд сопротивления. Его рука неуклонно кренилась к парте. Ещё мгновение — и торжествующий Петька прижал её к столу.

— Недолго мучилась старушка-дистрофушка! — издевательски сказал Мокренко, отпуская его руку.

Коля вскочил, оттолкнул со своей дороги Антона и выбежал из класса.

Это было так обидно, что Коля дал себе клятву, что не съест ни одного мороженого и ни часу не станет играть в компьютер, пока не сделается сильнее Мокренко и не сможет на глазах у всего класса прижать к парте его руку.

И Коля решил тренироваться. Первым делом он достал книгу по атлетизму и прочитал её от корки до корки, а стены своей комнаты увешал плакатами с культуристами, чтобы вид их мышц подстёгивал его. Потом он взял толстую тетрадь, составил себе график упражнений по дням недели и стал упорно заниматься, делая нужное количество подходов и с каждым разом немного увеличивая вес. Первые несколько дней мышцы ныли после тренировок, но постепенно боль становилась всё слабее и слабее: тело привыкало к нагрузкам.

Результаты появились не сразу — мышцы увеличивались ужасно медленно, и несколько раз подростком овладевало отчаяние: казалось, что ничего не выйдет и что лучше всё забросить, — и тогда одно только упрямство заставляло его продолжать упражнения.

Прошло пять месяцев. Всё это время Коля Егоров много тренировался, не говоря об этом никому из одноклассников. Если же кто-то порой и удивлялся, что плечи у Коли стали как будто шире, то в одежде разница была не так заметна, и Егорова продолжали по привычке считать слабаком.

И вот однажды Андрей Тихоныч, от которого не укрылось увлечение седьмых классов борьбой на руках, решил устроить в физкультурном зале чемпионат по армрестлингу. Он отыскал даже где-то кубок — большую медную чашу с завитыми ручками, на которой было выгравировано: «Победителю состязаний».

Посмотреть на чемпионат собралась добрая половина школы и многие родители.

Петька был уверен в своей победе. Он по-хозяйски подошёл к столу, на котором стоял кубок, и стал вертеть его в руках, рассматривая со всех сторон.

— Считаю, что он у меня уже в кармане, — заявил он, покровительственно похлопав по плечу стоявшего рядом Колю.

И вот соревнования начались. Они проводились по олимпийской системе, когда проигравший выбывал из борьбы, а выигравшие сражались между собой. В первом туре Филька Хитров завалил Рому Сухарева, а Мокренко притиснул к столу руку Кости Дементьева. А затем Коля услышал своё имя:

— Коля Егоров и Антон Данилов!

Антон вышел к столу и, сев на свой стул, выставил локоть. В классе он был четвёртым по силе и поэтому рассчитывал на лёгкую победу.

УМЕЛЫЕ
РУКИ

«Каштановые ёжики»

В начале осени можно собрать множество природных материалов, из которых получают замечательные поделки. Жёлуди, жёлтые и красные листья, каштаны... В каштанах можно использовать не только гладкое коричневое ядрышко, но и колючую скорлупку. Из неё получится симпатичный

ёжик. Нужно слепить ёжика из пластилина и накрыть сверху колючей шкуркой — кожурой каштана. Смотрите, у ёжика иголки как настоящие! На них отлично будет держаться пластилиновое яблочко или грибок — ведь ёжику нужны запасы на зиму.

— Ну что, хилак, может, сразу сдашься? — поинтересовался он.

Коля ничего не ответил, он лишь слегка прищурился и крепко ухватил ладонь Антона. Из регулярных тренировок с отцом он знал, что удачный захват — это уже полдела.

— Начали! — скомандовал Андрей Тихоныч, и в ту же секунду ладонь Антона оказалась припечатанной к столу.

— Это нечестно! Я не успел приготовиться! — завопил Данилов.

— Хорошо! Давай ещё! — согласился Коля.

На этот раз Данилов схитрил и стал давить даже раньше команды. Коля не успел приготовиться, и его рука наполовину сместилась к парте. Но Коля не думал сдаваться, он собрался с силами и, отыграв преимущество, легко приложил руку пытящего Антона к столу.

— Желая тебе спрятаться за леской, Данилов! — не удержавшись, крикнула ему Катя Сундукова.

Во втором туре дело пошло ещё быстрее. После короткой схватки Мокренко положил руку Фильки Хитрова, а Коля Егоров справился с Пашей Суховым, считавшимся прежде вторым по силе после Мокренко. Теперь и Андрей Тихоныч посматривал на Колю с уважением.

— Третий, финальный тур! — торжественно объявил он. — Первое место оспаривают Пётр Мокренко и Николай Егоров! Внимание! Начали!

Так как Мокренко не ожидал серьёзного сопротивления, в первую секунду Коле удалось немного накрентить его руку, но дальше дело не пошло. Задетый за живое, Мокренко навалился всем своим весом, и их руки вновь вернулись к исходному положению, а потом рука Коли стала медленно склоняться к столу.

— Ну, вот и всё! Кранты тебе! — просопел Мокренко, уже уверенный в своей победе.

— Держись же! Ты можешь! — крикнула Катя Сундукова.

Её поддержка придала Коле сил. Он напрягся, вспомнил все дни тренировок — и произошло невероятное: огромная лапища Мокренко вдруг дрогнула и медленно поползла в противоположную сторону.

Состязания достигли накала, болельщики, разделившись на два лагеря, ободрающе вопили, родители привстали со стульев.

На лице Мокренко появилось удивление, он пыхтел, потел — но его рука кренилась всё сильнее и сильнее. В тот миг, как она коснулась стола, у зрителей вырвался изумлённый крик.

Тем временем физкультурник взял кубок и свистнул в свисток, призывая всех к тишине.

— Внимание! Первое место в турнире седьмых классов занял Николай Егоров! Поздравим его! У этого парня бульдожья хватка! — Андрей Тихоныч крепко пожал Коле руку и вручил ему кубок.

В тот же миг Коля получил ещё один подарок: Катя Сундукова быстро поцеловала его в щёку и почти сразу, покраснев, скрылась где-то за спинами поздравляющих. «Ради этого стоило пыхтеть с гантелями!» — подумал счастливый победитель.

Под сапогом быть (*быть под каблуком*)

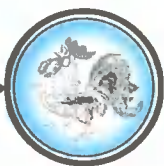
Вспомните «Робинзона Крузо». Когда только что спасённый Робинзоном дикарь, будущий Пятница, старался заслужить доверие и покровительство повелителя, он, среди прочих знаков покорности, многократно ложился

перед хозяином на землю и ставил себе на голову его ногу.

У многих народов было принято падать ниц перед господином и ставить его ногу себе на шею или на голову, выражая этим своё повиновение и покорность. Обычай этот отразился в словосочетании: *под пятой* — то есть под властью, под игом.

Из всего этого уже легко понять и смысл шуточного выражения: *быть под башмаком* — быть в подчинении у кого-либо, под чьей-либо властью.

Алексей Белояр
Художник О.Ионайтис

Заколдованное ЦАРСТВО

Раньше на Руси было много дорог. Были и такие места нехоженые да диковинные, что и думать не выдумать, и если представлять — не представить. Если не знаешь дороги, то и заблудиться можно, да так, что и не найдут тебя более. А сказка эта была, и вот она о чём...

Шёл по дороге человек, звали его Данила. Был он обычный крестьянин: добрый, работающий и весело на жизнь смотрящий. Был он так добр, что никому ни в чём не отказывал, а если видел кого-то в нужде, то сам помогал и ничего взамен не требовал. Так вот, шёл он по своим делам, бодро песни напевая, да зашёл в неведанные края, где нога человеческая редко ступает. Понял Данила, что заплутал, да делать нечего, надо идти дальше, куда теперь уж дорога приведёт. А кругом места-то всё диковинные: природа будто спит, трава сухо шуршит и воздух слегка звенит.

«Прямо заколдованное царство какое-то», — подумал Данила.

Шёл он по этой дороге и вдруг на ней увидел посох. Огляделся он по сторонам, а вокруг ни души, только много вокруг причудливых деревьев растёт. От звенящей тишины этой стало ему неуютно. Поёжился он и подумал: «Вот, надо же, кто-то посох обронил. Возьму-ка я его, он мне в пути помощником будет. Хотя нет. Это, наверное, кто-нибудь обронил его здесь. Хозяин вернётся и подберёт его, он ему нужнее будет».

Так и не взял Данила посох и пошёл дальше. Шёл он, шёл и вдруг на дороге нашёл золотую монету. Огляделся он вокруг — никого, только рядом стоят большие камни, да все странной и причудливой формы. И хотел было уже поднять монету, да подумал: «А вдруг её кто-то потерял, а она ему нужнее. Не буду брать монету, хозяин вернётся и сам её подберёт».

И дальше пошёл. Шёл он, шёл и притомился, и решил передохнуть. Тут Данила увидел заброшенный колодец, весь заросший бурьяном да репьем, он и присел около него.

«Жаль, что в колодце нет воды, — подумал Данила, — ну да ладно, я и из своей фляжки напьюсь. А всё же надо бы этот колодец очистить, чтобы и другие странники могли пить из него».

Как решил Данила, так и сделал. Взял он и очистил этот колодец. И оказалась вода в нём вкусная-превкусная. Напился Данила из колодца, умылся и дальше отправился.

Шёл он, шёл и повстречал на дороге запряжённую повозку, которая была наполнена всяким добром. Посмотрел Данила вокруг — никого, лишь большие стаи птиц летали вокруг и громко кричали.

«Хозяин, видно, отошёл куда-то», — подумал Данила и не взял себе ничего. А птицы, видя это, радостно зачирикали.

Дорога привела Данилу к большому белокаменному городу. Большие железные ворота в него были открыты, а вокруг не было ни души, только много сора

валялось вокруг. Пошёл Данила по каменным улицам города. Гулко раздавались его шаги, но в городе было пустынно и безлюдно.

«Что бы это значило? — подумал Данила. — Куда могли подеваться все люди?»

«Уж больно здесь грязно. Видно, давно здесь никто не прибирал. Дай-ка я приберу здесь немного», — решил Данила.

Взял он метлу да и начал наводить порядок, мусор убирая и сор разметая.

Быстро дело делается добрым сердцем и чистыми руками, вот и вычистил Данила весь заколдованный город.

Тут неожиданно прогремел гром, полил дождик и омыл весь город от пыли. Выглянуло из-за туч солнышко, и на небе появилась радуга. И ожил вдруг заколдованный город: появились люди, которые радовались и обнимали друг друга, а после стали благодарить Данилу. Данила ничего понять не может, а жители расколдованного царства повели его во дворец к своей царице.

Царица встретила Данилу с радостью и благодарила его за спасение.

— За какое спасение вы меня благодарите? — стал спрашивать у неё Данила.

— Много лет назад, — начала рассказывать царица Даниле, — наше царство было самым богатым, но люди здесь жили злые и жадные, алчные и коварные: бедных

Нам пишут...

Ученики второго класса школы № 1192 г. Москвы на внеклассном чтении под руководством учительницы Ирины Владимировны Хитьковой читают наш журнал. Недавно они прислали в редакцию письмо со своими отзывами. Большое спасибо вам, ребята, за внимание и добрые слова! В этом учебном году вы стали третьеклассниками. Надеемся, что и дальше вы останетесь добрыми друзьями нашего журнала. Вот выдержки из некоторых писем.

✉ Как обычно, я прочитала журнал от начала до конца. И как всегда, обращаю своё внимание на свои любимые странички: «Из истории слов», «Рассказы», «Умелые руки». Из четвертого номера я узнала, что «Знать на зубок» — значит превосходно выучить что-ни-

будь; узнала, куда уходит день, — день уходит за леса, за горы, за синие моря, чтобы все малыши ночью спали и быстрее росли. Очень понравился портрет Моны Лизы (Джоконды), который писал Леонардо да Винчи. Я люблю читать этот журнал, мне он нравится.

✉ Мне не очень понравился журнал № 2, так как не все рассказы в нём показа-

и сирот обижали, путников и странников обманывали. Но вот однажды шёл нашими краями старец — волшебник Бус. И ему здесь не дали ни воды попить, ни хлеба кусочка поесть, но обманули его и посмеялись над ним. Вот и наложил он на всё наше царство заклятие: те, кто любил золото, был жаден и коварен, превращались в деревья да камни, репы да мусор.

Вот шёл ты и видел на дороге посох, если бы ты его поднял, то обязательно превратился бы в дерево; а когда

ты нашёл монету — если бы ты её поднял, то превратился бы в камень. Если бы ты прошёл мимо заброшенного колодца и не очистил его, то сам бы стал репьем, а если взял бы пустую повозку или что-нибудь из неё, то превратился бы в птицу, и летал бы, как и многие из них, над тем местом вечно. Так вот, наложил на нас Бус заклятие до тех пор, пока добрый и бескорыстный человек не придёт и не расколдует всё царство. Вот ты пришёл и спас нас своим добрым и чистым сердцем. Теперь мы будем жить по-другому: в радости и любви, мире и справедливости. Будем странников принимать, бедных утешать и всех нуждающихся кормить, чтобы впредь царство наше было милосердное.

Удивился такому рассказу Данила.

«Да, чего только не бывает на белом свете. Вот только жить надо по совести», — подумал Данила.

Поблагодарил Данила царицу расколдованного царства и пошёл своей дорогой. А жители того царства наделили Даниле подарков всяких и долго его провожали, и в гости к себе приглашали.

лись мне интересными. Но некоторые я прочитал с удовольствием. Это рассказы «Во-первых и во-вторых» и «Как Маша заставила осла везти её в город». Первый рассказ мне понравился, потому что он весёлый и смешной, а второй — потому что Маша проявила себя умной и сообразительной девочкой и сумела перехитрить осла. Мои пожелания: чтобы печатали более интересные рассказы.

✉ *Детская Роман-газета* — очень интересный журнал. Даже моя мама, я увидела вечером, взяла журнал и начала его читать.

✉ Мне нравится читать «Детскую Роман-газету». Вот дождалась, получила журнал № 3. Стала читать. Выучила понравившееся стихотворение о весне «Чик-чирик». С большим удовольствием читала рассказ Тамары Крюковой «Артист», сказку Вячеслава Свальнова «Ватрушки-хохотушки», рассказ

Николая Марихина «Тимка и Ричи» — про неумных котят. А кто не прочитал рассказ «Примерный мальчик» Дмитрия Емца, то я советую сделать это срочно! Не пожалеете.

✉ Я прочитал в журнале за январь «Маленькие сказки» Кипплинга. Узнал его биографию. Понял смысл поговорки «Как от козла молока». Я узнал, что в Воронеже есть памятник котёнку Василию из мультфильма. Хорошая игра «Сядем рядом» — она очень весёлая! В журнале много хороших рисунков.

✉ Мне очень сильно понравился журнал «Детская Роман-газета». Это журнал очень хороший и познавательный! А вам нравится?

Ребята, присылайте нам свои отзывы! Они нам очень интересны, лучшие из них мы обязательно опубликуем.

Вера Борисова, 8 лет, г. Киров

Рассвет

В розовом небе красный рассвет,
Небо светлеет, месяца нет.
Звёзды погасли, туман над рекой.
Упала роса на луг золотой.
На каждом листочке, на каждой травинке
Сверкают, искрятся капли — росинки.

Осень

Берёза ленты золотисты
В косу зелёную вплела.
Осина красную косынку
Себе уже приобрела.
А ель зелёная стоит,
Один листок на ней дрожит.
Упал листочек тот с осины
Неведомо какою силой.

Котёнок летом любовался
Зелёной свежелою листвою.
А осенью он испугался
Лавины лиственной большой.
Бежал котёнок со всех ног,
Но листья обогнать не мог.

Марина Суркова, 10 лет, Оренбургская обл.

Мой почерк

Когда у меня настроение плохое, и буквы такие же. Одна буква выше другой, и смотрят друг на друга или в разные стороны и даже делают «колесо», как будто танцуют самбу.

А когда настроение хорошее — и почерк весёлый. Буквы друг за другом, словно держатся за руки и танцуют полонез.

Папа говорит, что по почерку можно определить характер человека. Интересно, какой у меня характер?

Варвара Пономарёва, 16 лет, г. Москва

Тень

Многие люди, у которых нет друзей, считают, что они одиноки. Но это не так.

Достаточно выйти на улицу днём, когда хоть немного светит солнце, и тогда вы сразу поймёте, что я права. Вы ещё не поняли?! Тогда выйдите

на улицу и посмотрите вокруг себя. Что вы видите? Ноги прохожих, мусор, свои ботинки и... тень. Она всегда с вами, делает то же самое, что и вы. Тень всегда выслушает вас, она прекрасный собеседник: не перебивает, не отвлекается и слушает вас с понимающим видом! Вот поэтому люди, у которых есть хоть чуть-чуть фантазии, никогда не скажут, что они одиноки.

Полина Гладенцева, 10 лет, г. Нижний Сулин

Привидение

Ночью я проснулась от страшного шороха, открыла глаза и села. Вдруг вижу — дверь открывается и в комнату тихо входит привидение. Я испугалась и сказала: «Уходи!» Но привидение нырнуло под кровать и уже оттуда вылезла моя весёлая, хитро улыбающаяся сестрёнка. У неё в руках был пакет. В пакете оказалось несколько бутербродов и два мороженых. Эта маленькая шалунишка решила устроить ночью банкет! Остаток ночи мы провели за весёлым разговором и поеданием бутербродов.

Аня Юголева, 9 лет, г. Москва

Листопад

Осенью дождливо,
Мрачно, тихо, сыро.
Осенью тоскливо,
Красота застыла.
Осень, почему же ты к нам не мила?
Осень, осень, осень...
И вдруг сразу яркий,
Шумный листопад,
Полон солнца, света
Старый милый сад.

Поздняя осень

Над рекой повис туман. Он, как седой старик, ворочается во сне. Бледное солнце взошло над огромными зелёными елями.

Туман рассеивается. Солнце поднялось довольно высоко, но над речкой по-прежнему мрачно и холодно.

С деревьев облетает листва, серые облака заволокли небо. Начался дождь. Большие капли барабанят по веткам деревьев и шуршат в опавшей листве.

Лес затянут дождевой пеленой. Мокнут шапки пожелтевшей травы, появились мутные лужицы на тропинках, блестят от дождя узловатые корни деревьев.

Наш вернисаж

1

2

3

4

Работы учащихся
средней школы
№ 4 г. Курчатов
Курской обл.
(Руководитель —
Е.М. Правдивцева)

1. Шевченко
Ирина, 13 лет.
«Сосны».

2. Корневская
Катя, 9 лет.
«Этим летом».

3. Фомин
Алексей, 9 лет.
«Вечер».

4. Климентьев
Максим, 10 лет.
«Начало осени».

5. Пуляевская
Катя, 10 лет.
«Листопад».

6. Кривошеев
Дима, 10 лет.
«Январь».

7. Былинин Дима,
10 лет.
«Осень».

5

6

7

РОМАН-ГАЗЕТА етская 9

2005 (75)

0 6
Ашишки

Моей главной, единственной, непрестанно преследуемой целью в искусстве живописи всегда служила красота, эстетическое воздействие на зрителя, очарование красками и формой. Живопись, как музыка, как стих поэта, всегда должна вызывать в зрителе наслаждение. Художник дарит зрителя только прекрасным».

Константин Коровин

К. Коровин. Натюрморт. 1912 г.

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Соперница

РАССКАЗЫ:
Битва титанов

УМЕЛЫЕ РУКИ:
«Каштановые ёжики»